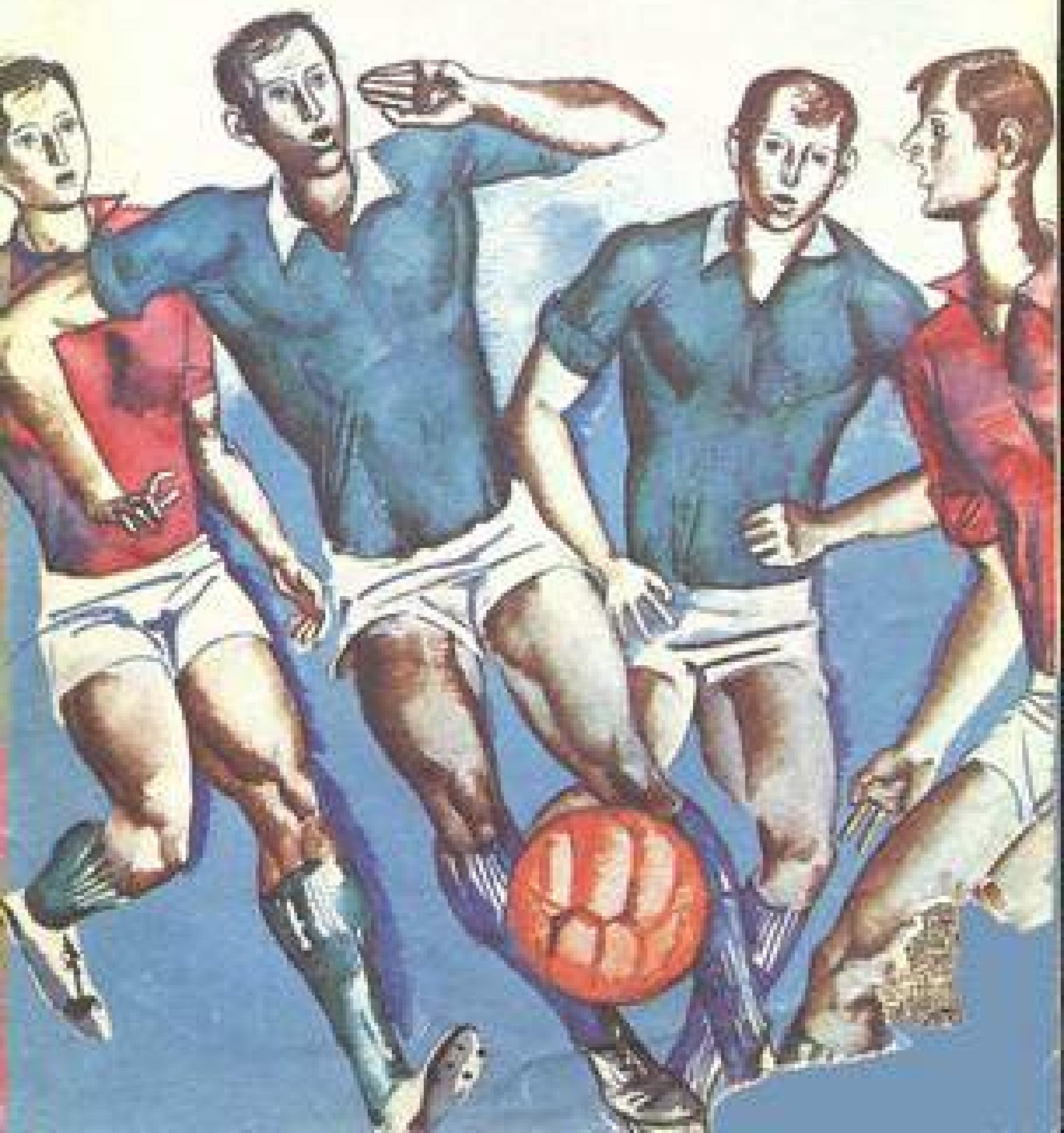

европа 576

- [Николай Сладков](#)

-

Николай Сладков

Преданный волк

В лощинке с пучками чия, похожими на торчмя поставленные снопы, я увидел маленького лисенка. Мы оба замерли. Лисенок вжался в землю и даже прижмурил глаза — он еще надеялся, что я его не заметил. А мне стоило лишь шагнуть, и я бы прищемил его куцый хвост. Вот шагну, прищемлю и сразу изменю его лисью судьбу. И заживешь ты, дикий зверь, у меня, без забот и страха, в сытости и тепле. И будешь игрив и весел на радость себе и мне.

Но я не наступил лисенку на хвост, а прошел мимо. Однажды я так же вот хотел осчастливить волчонка...

Случилось это в Аджарии. Сейчас я вспомнил о походах по ее узким тропам потому только, что неотступно по пятам за мной там шел волк. Ручной горный волк. Не задумываясь, я отнял его у двух матерей: волчицы-матери и матери-природы. Теперь-то я знаю, какую ответственность я взял тогда на себя. Я лишил зверя всего: его мира, родичей, самостоятельности. А что дал взамен?

Тогда мне просто хотелось вырастить из дикого волчонка домашнего волка. И стать его хозяином, как становится хозяином собаки тот, кто вырастит ее из щенка.

Но хозяином я не стал. Я сам стал волчицей, волком, вожаком стаи. Кое-чему, конечно, я его научил. Но еще большему научил меня он...

На вершинах гор всегда особая тишина. Тишина и простор до рези в глазах. Тут слышишь, как ежится, подсыхая, опавший лист. Обтаявшая елочка выдернула из сугроба зеленую лапку и обмахивается ею как веером. С шорохом пропихиваются сквозь бурую ветошь зеленые закорючки травы. Первые цветы по ночам еще замерзают до остекленения, а днем снова оттаивают и пахнут.

С таких вершин горные волки высматривают добычу.

Не звал я, сидя на камне, что из-за соседней глыбы следили за мной желтые волчьи глаза. В завалах камней было волчье логово. А в логове шесть волчат.

Потом это логово обнаружил охотник-аджарец. Пятерых он сдал и получил премию, а одного я выпросил для себя. Не думал я, что этот веселый мутноглазый щенок оставит о себе такую печальную память.

Отныне моя жизнь в горах странным образом переплелась с жизнью волка. Мне хотелось увидеть, как волчонок будет расти и меняться. Ведь в логово дикого волка не влезешь, не узнаешь, что происходит там. А тут все перед твоими глазами. И еще мне хотелось стать хозяином волка.

Сразу же выяснилось, что я, Хозяин и Повелитель, ничего не могу навязать волчонку, скорее он меня может принудить. Я должен его кормить, когда он захочет, я должен убрать за ним, когда он напачкает. После еды ему надо терпеливо гладить вздутый живот: без этого у него, видите ли, нарушается пищеварение.

С каждым днем все больше разрушались мои привычные представления о волках.

Свирепый, кровожадный, страшный. Человек воюет с волками всю жизнь. Но вот он, «свирепый и кровожадный». Черно-серый пушистый колобок. Толстые лапы расползаются, и он смешно тычется в пол пухлым щенячьим носом. Мутно-голубые глаза и мягкие обвислые ушки. Жалкий тощий хвостик. Тянется к соске, чмокает молоко и поскуливает. А потом спит непробудно.

«Из волчонка вырастет волк». Да, тот самый «свирепый и кровожадный», каким мы его сделали сами! Мы присвоили волчью добычу и тем самым принудили волков нападать на наши стада. А потом начали убивать, как вредителей и конкурентов.

А волчонок спит себе и посапывает. И точно такие же волчата лежат сейчас во всех горных логовах. На мордочке пробивается серая шерстка, а за ушами шерсть рыжеватая. На спине черная длинная шерсть и мягкий, пушистый подшерсток. Ни волчьего тревожного запаха, ни волчьего страшного вида. Милый собачий щенок.

К шестому июня волчонок стал бойко шлепать на толстых лапках. Не хотел больше лежать в тесном ящике. Ушки у него почти встали. Он чистюля, не пачкает на подстилке, хоть никто его этому не учил. Пьет — лакает! — уже из ложки, детскую соску не хочет брать. Молоко находит по запаху: нацелив нос, крадется к нему, как к добыче.

После еды не плюхается сразу спать, как раньше, а затевает игру. Но лапы еще плохо слушаются, расползаются. Очень любит, когда его

моют теплой водой, — лежит в тазу кверху лапками и не шевелится. Может, ему представляется, что его вылизывает волчица-мать...

К середине июня лапки окрепли, играть волчонку хочется больше и больше. Научился чесать бока задней лапой. Но плохо еще: опрокидывается. Стал вылизываться языком. Грызет и волочит все, что по силам: зубы режутся. Не так жаден теперь, не набрасывается на молоко, как прежде. Но появилась привычка бегать сзади, тереться и тыкаться в ноги — выпрашивать. Наверное, в это время в диком логове волки начинают приносить волчатам мясо. И волчатам надо его выпрашивать.

Нет, голубчик, не будет тебе волчьих деликатесов! Лопай суп, кашу и молоко. И хватит торчать дома, пора в горы. Волку положено смотреть в лес!

А волчонок в лес не хочет смотреть. И в лесу он смотрит не по сторонам, а путается в ногах. Ни запахи, ни шорохи леса не будоражат в нем никаких диких инстинктов. Даже на волчьи следы на грязи — свежие и, наверное, пахучие! — он и носом не повел. И я вдруг понял, что я наделал! В лесу ему теперь не прожить — я не могу научить его лесной жизни. И среди людей ему без меня не прожить: он волк. Понимаю его теперь только я, и доверяет он только мне.

Я волчья мать, волк — мой сын. Как только волчонок открыл глаза, он увидел перед собой человека и человеческое жилье. А положено было увидеть волчицу-мать и волчье логово. И он принял человека за мать, а комнату за логово.

Как настоящий сын, волк начал радовать и огорчать. Посыпались жалобы от соседей.

Ребятишки принесли зайчонка в курчавой оливковой шерстке. На миг зазевались — и зайчонок уже в волчьей пасти, весь целиком!

Пока волчонок только играет — он не знает еще, что делать с зайчонком. Я легко разжал его челюсти и вынул обмусоленного малыша.

Снова жалоба: задушил петуха. Это уже посерьезней. Расфуфыренный болван принял его за щенка и с петушиной самонадеянностью бросился прогонять. Волчонок и в самом деле похож на щенка овчарки: поджарый, длинноногий, со стоячими ушами, тощим еще хвостиком и острым носом. Только шерсть уже особого, волчьего цвета.

— На цепь посажу! — грожу я.

Он смотрит умными преданными глазами. Ему непонятно, почему я сержусь. Настоящие родители за петуха и зайчонка только похвалили бы...

За ужином он крутится у стола, скулит, просит. Беру его банку. И вдруг ясно вижу, как он вырос! Давно ли в эту банку из-под тушенки он всовывался с головой, вылизывая остатки. А теперь она для него просто плоска.

Рисунок Владислава Логинова

Рисунок Владислава Логинова

Волчонок виляет всем телом и трется о ноги — совсем как собака.
Спим вместе. Я набил волчонку матрасик, и с вечера он послушно ложится на него в своем углу. Но ночи в горах холодные, хоть и

середина июля. К рассвету волчонок тихо вскакивает на кровать и сворачивается в ногах. Я не гоню — пусть. Но и в ногах ему не очень-то нравится. Он сует нос под бурку, которой я укутываюсь, и медленно вдоль бока ползет к груди. Успокаивается он только тогда, когда уютно втискивается между рук и утыкает холодный свой нос прямо мне в шею. И странно, меня совсем не тревожат волчьи клыки у самого моего горла. Я совершенно спокоен: он не может этого сделать, такое противоестественно даже для волка. Жизнь на земле не могла бы уцелеть, не опирайся она на незыблемые правила и законы. Один из них — отношения детей и родителей.

Волчонок спит крепко и сладко, даже похрапывает. Он тоже мне доверяет. Просыпаюсь я только тогда, когда он начинает поскуливать и возиться: просится за дверь.

По вечерам мы поем песни. Волчьи, конечно. Но запеваю всегда я: у-у-у-у! Он сразу подхватывает — запрокидывает морду, надувает горло и тоже: у-у-у-у! Это наша вечерняя песня. Поем, пока не надоест. Старый конь Пистон, который возит мой выюк, от наших песен ставит уши торчком и перестает жевать. В загоне у соседей топчут коровы и мечутся овцы. Лают собаки.

Волчонок уже попробовал мяса, и теперь нет смысла пичкать его одним супом. Считается, что волк до тех пор домашний, пока не попробует мяса и не лизнет крови. Но мой волчонок и после мяса все такой же ласковый и доверчивый.

Всегда готов играть и возиться. Но только со своими знакомыми, чужих он сторонится и боится. Меня же слушает беспрекословно: свистну — и где бы он ни был, чем бы ни занимался, появится как из-под земли. Правда, я всегда его угощаю при этом.

Я стреляю для него ворон и соек. Он сам сообразил, как надо с ними разделываться. Не набивает больше пасть, давясь и чихая, вороньими перьями. Слопать ворону ему пока не под силу: остатки старательно прячет в траву или кусты. Прятать тоже никто не учил, это у него в крови. Утром сразу же мчится к своему тайнику. И ни разу про тайник не забыл, хотя я нарочно и отвлекал его.

Оставлять его без присмотра боюсь. Ребятишек соседских он, конечно, не тронет: они для него тоже волки. А вот куры, индейки да кошки...

Уходя в горы, запираю волчонка дома. Ухожу тихо, когда он еще сладко спит на потнике от седла. Днем он один не очень тревожится, но к вечеру скука и одиночество становятся невмоготу. Мои шаги он узнает еще издали: я слышу, как он скребется и ломится в дверь, нетерпеливо визжит и скулит.

Волчонок набрасывается на меня, тычется носом в руки, виляет всем телом, юлит. От избытка чувств он опрокидывается на спину, машет всеми четырьмя лапами и даже делает лужу: чувства переливаются через край... Наверное, и в диком логове волчата так же радуются приходу волчицы. А она? А она скорее всего лижет их, тычет ласково носом. И я глажу волчонка по шее, тереблю ему холку, щекочу за ухом, а он, слюнявя, тихонько прикусывает мои пальцы. А мог бы и впиться — ведь дикий зверь. Клыки уже стали большими и белыми-белыми. Нет, не вопьется, не может нарушить закон родства: эти руки давали ему подогретое молоко. Я даже уверен, что встрече он рад не меньше, чем моему угощению. Иногда я ничего не приносил, но это не портило радости встречи. Я понимал зверя, примеряя его по себе. Глупо бояться очеловечивания: главные законы жизни едины. Радость движет и зверем, и человеком.

Вечером вместе ужинаем, вместе поем вечерние волчьи песни. Волчонок знает, что в шкафчике у меня спрятаны печенье и сахар. Вот он подходит к дверце, утыкает нос, словно ключ, в замочную скважину, умильно косит на меня рыжим глазом и понуждающе машет хвостом. Он любит сладкое, ведь он еще маленький. Волк-сладкоежка...

Во сне он все так же, как в раннем детстве, посапывает и похрапывает. Кладет нос на лапы, но тяжелая голова сползает. Он сонно ее вздергивает, а она снова сползает.

У аджарских ребятишек сегодня траурный день. Они весело играли с котенком, прибежал волчонок, ввязался в игру и мгновенно оторвал у «игрушки» голову. Сколько стенаний и слез! Котенка завернули в тряпицу и понесли хоронить. К похоронной процессии примкнул и волчонок, тыкаясь в ноги, не понимая — почему прекратили такую веселую возню? Но его, злодея, конечно, прогнали. Ах, как обидно: у тебя же отняли игрушку и на тебя же еще и замахиваются! Огорченный, он убежал в чужой сад и заел горечь обиды сладким виноградом и сочными помидорами. Вот и еще неожиданность: волк — травоядный! Виноград он объедает встав на

задние лапы, а помидоры грызет как кость, только губы всю оттопыривает: больно уж сочная «кость».

Оставлять его без присмотра нельзя. Надо брать с собой в лес. В нем уже проснулся охотник, а охотнику нужен лес. Сбежит или нет? Я бы на его месте сбежал. Что может быть лучше свободы? Залезай в огороды и виноградники, души кур, отрывай кошкам головы — и никто тебе ни полслова! Но родство оказалось дороже свободы. Волк, как и мы, животное общественное. В одиночку ему плохо. Не так, конечно, как муравьям и пчелам, которые вообще не могут жить в одиночку. А все равно плохо. Волчья тоска одолевает одинокого волка. Худо ему одному.

Волчонок не убежал от меня в лес. Ни от меня, ни от старого коня Пистона. Пистон ведь тоже член нашей семьи. Так и бродим втроем по аджарским горам: человек, конь и волк. Впереди топчет старый подслеповатый Пистон, навьюченный палаткой, продуктами и посудой. За ним трусит волк. От избытка дурашливости он накидывается на мелькающие копыта Пистона, пробуя их на зубок. Пистон выше этих глупых затей, даже и не отбрыкивается. Позади с ружьем — я, глава семьи.

Волк знает и любит ружье. Все звери боятся выстрела. Еще бы: огнем и свинцом человек утверждал свой порядок. У волчонка же выстрелы из ружья вызывали только приятные ощущения. Стоило снять со стенки ружье — и волчонок начинал охотничий танец на задних лапах, толкал меня к двери передними, неся вперед, бросался на дверь всем телом и нетерпеливо скулил. Ружье для него — это поход в горы, встреча с бескрайним миром незнакомых существ и предметов, с головокружительным буйством запахов.

В эту пору дикие волки тоже начинают бродить: молодежь приглядывается к жизни взрослых и познает мир, в котором ей жить.

Меня и волчонка горы манили неудержимо. Дорогу выбирал я — вожак. Пистон давно привык, что по жизненному пути его ведет хворостина, — с ним никаких хлопот. Волчонка раздирал исследовательский инстинкт. То и дело он вдруг исчезал. Но я не тревожусь: найдет по следам и догонит. Этому тоже никто его не учил, это у него от рождения. Человек человека в лесу находит ухом: стоит лишь подать голос. Волк же еще и носом. Я и Пистон для волчонка как бы растягиваемся в пространстве на целые километры, словно идем и

волочим за собой длиннющий канат: остается только за него ухватиться, а по нему уж ничего не стоит найти.

Однажды волчонок уснул под кустом, а я тихонько, на цыпочках, отошел. За полчаса я напутал по лесу немыслимых петель, навязал замысловатых узлов и накрутил самых хитрых зигзагов. Перепрыгивал через тропу, шлепал вверх по ручью, перескакивал через промоины. А потом притаился на склоне так, чтобы сверху все было видно. Волчонок проснулся, привычно прогнул спину, припав на передние лапы, и сладко, с подвывом, зевнул. И вдруг увидел — один! Заметался, зыряка по сторонам. И закружил, шаря по земле носом, наткнулся на мой след и покатил по нему, как по рельсам! Я сверху вижу, как точно он повторяет все мои зигзаги, узлы и петли. Нос его на следу — как ролик троллейбуса на проводе! У ручьев и промоин он замирал, задирает нос, водил им по сторонам, словно осматривался. И дальше прыжками по следу.

Волчонок проскакал у самых моих ног, но не оторвал нос от следа. Только распутав последнюю петлю, он на миг замер передо мною, поднял голову — глаза наши встретились, и он кинулся мне на грудь слюнявить и целовать! Опрокинул в траву, мягко хватал за руки и радостно теребил за рубаху. А вот домашняя скотина Пистон не стал бы меня разыскивать. Зачем я ему? Это он нужен мне, чтобы тащить вьюк.

Сентябрь. Идем по горной лесной тропе, поцокивают о камни копыта Пистона. Через тропу перекатил рыжий комочек — белка. В панике затрещал черный дрозд — увидел волчонка. Теперь его не трудно увидеть — вырос. И его тянет от «семьи» то вперед, то вбок. Подросток уже не желает жить по указке: ему не терпится познать жизнь своими боками. Ну что ж, жизнь не такой уж плохой учитель.

Первый урок скромности дали ему два черных ворона. Волчонок самонадеянно ускакал вперед по тропе, но скоро появился жалкий и перепуганный. Над ним, хрипло каркая, нависли два ворона, нацелив носище как пику. Ближний ворон кидается вниз. Тычет волчонка в спину. Взмывает, шумя широкими крыльями, освобождая место второму. Так и гонят, так и тычут попеременно! Волчонок с разгона бросается под копыта, прячется у Пистона под брюхом. Ага, и мы-таки тебе пригодились!

Километр волчонок послушно и оглушенно трусит позади. Но страх уходит, и глаза разбегаются снова. Когда мы проходим над

хуторком, он опять исчезает, а внизу, у хуторка, слышится оголтелое кудахтанье кур и крики людей. И вижу: впереди скачет волчонок, а позади с палкой, пыхтя и ругаясь, ковыляет хозяин хуторка. Теперь волчонок кидается в мои ноги, ищет защиты у вожака. Из пасти у него свисает... котенок! Хватаю волка за морду и, насевав сверху, разжимаю крепкие зубы. Котенок цел и невредим — чуть-чуть помят и обмусолен. А волчонок не может понять: он нес его мне, хотел обрадовать и угостить, а я отдаю добычу чужому. И это называется — своя семья! Он отводит обиженные глаза и уныло отходит в сторону. Хозяин уже не сердится: котенок цел, котенка вернули, он таращит глаза у него из-за пазухи. Хозяин удивленно цокает языком: волк, а отдал добычу! А он думал, что это собака, знал бы, что волк, не стал бы и связываться.

Знать бы ему, а главное, знать бы котенку, как еще все сложится впереди! Но ни людям, ни зверям знать наперед не дано...

Волчья душа оказалась отходчива, дуться долго волчонок не может. Снова бежит впереди и снова испытывает судьбу. По луговине, прижав уши и хвост, несется волчонок, а над ним темными парашютами повисли два беркута. И один беркут уже падает вниз, свесив желтые лапищи с растопыренными когтями.

Чугунный клюв навис над волчьим затылком, крючья когтей примериваются к загривку. Я сдернул ружье и выпалил вверх. Тяжело — ветер завыл в перьях! — орел пошел ввысь, как самолет на взлете.

Растревоженные орлы, взгромоздясь на вершину огромной сушины, клекотали сердито и возмущенно. А волчонок терся в ногах и не отходил ни на шаг. На этот раз он кое-что намотал на свой короткий ус. Но надолго ли?

Закатное солнце и в горах ласковое и мягкое. Я привалился спиной к нагретым бревнышкам пастушьего домика. Пистон замшевыми губами собирает букеты горных цветов, а волчонок калачиком спит под кустом, и серую шерсть его гладят блики. Он вздрагивает ушами, сгоняя мух. Вечерняя расслабленность и тишина. В такие медленные минуты невольно думаешь: все, что сейчас вокруг и рядом, что видит твой глаз и слышит ухо, станет когда-то воспоминанием. И ничто не в силах остановить бег времени, запечатлеть мгновенье.

Придется когда-то расстаться и с этим волчонком, хочу я того или нет. Не могу же я без конца бродить с ним в горах! А он не сможет жить со мной в городе. Горные волки не живут на равнине. И я вдруг понял,

что готовлю предательство! Исподволь начинаю искать оправдания своей измене.

Тени и блики гладят волчонка. Он крепко спит, он совершенно спокоен. Для него я отец. А отцам и матерям детей бросать не положено, как не положено детям впиваться клыками в родительское горло. Он-то не впился в мое...

Есть у зверей еще мать и отец — Природа. Но я отнял волка и у нее. Я не учил, а отучал волчонка от всего волчьего, без чего ему в лесу не прожить. И вот готовлю измену...

Волк спит спокойно. Это уже не тот глупый толстяк, которого мне принесли. Сколько с ним было забот! Однажды из-за поворота, грохоча и пыля, с воем выползло глазастое чудище — автомобиль! Волчонок мгновенно исчез: был — и нет! Давно прогрохотала машина, давно осела пыль и ветер развеял чад и вонь, а волчонок не возвращался. Я свистел и звал — напрасно. Заблудился? Ведь совсем еще маленький, только что стал ходить со мной в горы.

Только к вечеру я вернулся домой, так и не дозвавшись волчонка. А он встретил меня у порога! Сам дорогу нашел! Не сбился со следа на затоптанных тропах, переплыл два ручья.

Волку много дано от рождения. Еще большему он умеет выучиться. Жаль, что этих умных зверей мы сделали своими врагами. Жаль, что ужиться с нами могут пока лишь голуби и воробьи, вороны и галки, крысы и мыши.

А еще я учил его плавать! Холодную воду он не любил, сам в речку не заходил, но когда я его затаскивал силой — терпел. На повороте речки под скалой был омут с ледяной голубой водой. Прополоскав волчонка в воде и раза два окунув, я милостиво его отпускал. Он быстро плыл к берегу, молотя воду передними лапами. На берегу отчаянно встряхивался, окатывая мою одежду. И принимался гонять бабочек и больших изумрудных ящериц. Бабочки, ящерицы и лягушки для него не еда, а игрушки. Но игрушки свои он не берег: чего их беречь, когда их сколько угодно!

Играть волчонок любил. Как-то ночью услышал я шаги у палатки. По шагам угадал — Пистон. Странно, Пистон ночью никогда не маршировал, а уныло дремал, свесив губы. Но шаги не стихали. И все у палатки — круг за кругом. Пришлось вылезать из-под теплой бурки в холодную ночь.

Луна, черный горный хребет, темный лес. А рядом волчонок водит Пистона за повод! Я забыл снять уздечку, волчонок вцепился в нее зубами, потянул, и скотина пошла. Конь покорно шагает за волком! А если бы волчонок не вокруг палатки тебя, дурака, водил, а увел бы в лес к своим серым родичам? Ну и картина: волк приводит в волчью стаю коня! За уздечку!

Я свистнул, волк бросил повод. Пистон встал там, где перестали тянуть. И задремал, понутив голову и сонно пошлепывая губами. Может, таких и надо тянуть? А то и с места не сдвинется...

Рано или поздно горный волк столкнется с овцой. И мне здорово повезло, что это случилось рано: волчонку было всего два месяца. Я поднимался к селению по узкой тропе, а навстречу шла женщина и гнала овцу. Волчонка приняли за собачонку — и женщина, и овца. А он вцепился овце в бок, повис на зубах и поволокся за ней! Зубы не достали до кожи, и ухватился он только за шерсть. Но висел, не отпускал и волокся!

Тропа была обложена заборчиком из камней, овце некуда было деться, и я легко поймал волчонка за задние лапы и оторвал от овцы. Все случилось так быстро, что женщина ничего не заметила: она как раз повернулась к бегущему позади сынишке.

Овца — давнее яблоко раздора человека и волка: оба считают ее своей. Тут волк неправ — домашняя овца не его. Но тогда, может, все дикие зайцы, косули и кабаны — его? И снова неправ: дикие кабаны и зайцы тоже теперь не его.

Волк всегда неправ...

Вспоминаю проделки волчонка, и все горше становится на душе. Вот и сейчас волк неправ уже потому, что стал для меня обузой. А ведь это я отнял его у Природы — не он навязался мне. Я взял его, не задумываясь, но задуматься мне пришлось. Легко и просто расстаются родители с выросшими детьми: они их подготовили к жизни. А что сделал я?

Ночью в брошенном пастушьем домишке. В проеме двери видны горы: зазубренные снежные гребни, порыжелые горные луга, окаймленные снизу черными ельниками. Снизу из долины к нам поднимается ночь. Сумерки, как туман, ползут все выше и выше по склонам. И вот уже только ослепительная снеговая гряда повисает над ночью. А над грядой сияет немислимой синевы и глубины небо. И

первая бледная звездочка дрожит в нем росинкой. А в темноте глубокой долины тоже зажигаются и дрожат огоньки: земные звезды.

Посреди ночи в дверь влетел волк. Кто-то выпугнул его из-под куста, сова или змея. Он уместился рядом со мной, как бывало в раннем детстве, дыша теплом в шею.

Утром дверной проем занавесило марлей тумана. Зябко, сыро, промозгло. Это облако село на нас. Сырость тянется по лицу, словно мокрая паутина.

Облако может просидеть на горе час, а то и неделю. Иной раз стоит сбежать чуточку вниз или вскарабкаться чуть наверх — и снова увидишь солнце. А лень — так сиди и жди, когда облако само уползет.

На белом тумане расползаются кляксы. Кляксы вдруг стремительно приближаются и превращаются в высокие стройные ели. Пока еще ели висят в воздухе, плывут над туманом, но вот — наконец-то! — встали на землю. Проступили склоны горы. А скоро муть разошлась, и все вокруг запестрело и перемешалось: клочья облаков, пятна леса, лоскуты желтых лугов. Прямо шкура пятнистого леопарда! В три пары глаз смотрим сверху на зыбкий, пятнистый мир. Не знаю, о чем сейчас думают волчонок и конь, а я — ни о чем. Бывают у человека с глазу на глаз с природой минуты простого животного счастья. Ты жив и здоров, ты делаешь то, что тебе нравится, совесть твоя чиста. Разве это не счастье? Пусть и животное...

Мы не замечаем воздуха, но без него сразу же задыхаемся. Так вот и с дикой природой: только когда мы лишимся ее, мы полностью осознаем, что потеряли. Говорят, у природы нет цели. Есть: сделать человека счастливым. Солнце — счастье, чистая вода и воздух — счастье, просторы нетронутых степей, гор, лесов — великое счастье. В картины дикой природы можно всматриваться всю жизнь — и всю жизнь радоваться и удивляться. Что нам заменит это в нашем прирученном и одомашненном мире?

Возвращаемся той же тропой. Снова над хуторком в лесу. Узнаю его по «карусели». На самом краю высоченного обрыва вкопан столб, сверху подвижная перекладина: если толкнуть — закружится, как пропеллер у вертолета. Хуторские ребяташки виснут по краям вертушки и, оттолкнувшись ногами, полкруга пролетают над пропастью, визжа и замирая от страха. Вот это игра: дух захватывает!

Волчонок исчез. Но на этот раз ни кудахтанья кур, ни крика людей. Пронесло, обошлось.

Да не совсем! Скоро волчонок нагнал нас, а рыльце у него в пуху... Бедный, бедный котенок!

Но какова память! Запомнил и хутор, и крики, и как отнимали. Все учел. И обошелся без ругани и насилия. Даже куры не квохтали. Котенок небось лежал на коленях у старика и мурлыкал, а старик клевал носом...

Это была последняя вольность волчонка в вольных горах. Пришла пора возвращаться в город. Надо было решать, что делать с ним. Отпустить, вернее, прогнать в лес? Но в лесу он погибнет или натворит бед. Забрать с собой? Но куда? В городе у меня и для себя-то жилья не было. А разве кто пустит жильца с волком?

Волчонок не стал ни диким самостоятельным волком, ни послушной домашней собакой. Ни обитатель леса, ни житель города. Может быть, уж лучше его застрелить? Но как застрелить того, кто у тебя же ищет защиты? И все-таки я до сих пор жалею, что не решился его застрелить...

Вот и город. Совсем другой ритм, совсем другие заботы. Словно жил ты до того по часам с одной часовой стрелкой и вот заторопился по минутной и по секундной. Как в часах — крутятся колесики, качаются рычажки, дергаются какие-то зубчики. Налаженная суета, словно специально чтобы от чего-то отвлечь, не дать подумать, почувствовать и понять.

Скоро и сам начинаешь бежать и толкаться. Волчонок остро почувствовал нарушение привычного ритма и мое непонятное отчуждение. Я ловлю на себе его испуганный и вопросительный взгляд. Мне некуда с ним приткнуться, никто нас к себе не пускает. Ему нет места там, где все спешат и толкаются.

— Да отдайте его в зоопарк!

Им просто: отдайте! А он из моей «семьи»...

Но подленький голос внутри уже уговаривает, сверлит, услужливо подыскивает оправдание. Отпустить в горы нельзя. Держать в городе негде. Да и не выживет горный волк на равнине. А в зоопарке все-таки уход, еда, просторная клетка...

Сознавая, что делаю подлость, что предаю — да, да, предаю! — я привел волчонка в зоопарк. Утром пусто еще, волчонок вольно бегают

по песчаным дорожкам, и все принимают его за овчарку. Он не чувствует беды, он все так же верит мне несокрушимо. Я с ним — и жизнь его хороша. Ему не представить, что я сейчас воткну-таки клыки в его незащищенное горло...

А я медлю, трусливо юлю, цепляюсь за соломинки оправданий. Но знаю уже, что предам.

Я сам заманил его в клетку, сунул под нос миску с мясом, чтобы отвлечь, и трусливо сбежал.

Я знал, что будет дальше. Вот он оторвется от мяса, поднимет глаза, ища меня... Кинется в дверь — но дверь не поддается. Бросится на решетку, но решетка отбросит его назад. Замечется по клетке в страшной тревоге — тревоге не за себя, за меня! Куда я исчез, не случилось ли что со мной?

Все дрожало у меня внутри: никакое предательство не проходит даром. Зоопарковские зеваки сперва отшатнутся от клетки, а потом станут строить догадки. «Дикий! Не нравится небось за решеткой? Это тебе, злодей, не барашков в горах драть. Ишь прутья грызет, попадись только такому...»

Я предал волка. Предал того, кто никогда бы не предал меня. И если меня хоть что-то чуточку извиняет, так только то, что я сам себе в этом признался и больше не искал оправданий.

Как преступник, которого тянет на место преступления, я дней через десять снова пришел в зоопарк.

Не на прощение я надеялся — надеялся хотя бы на легкое утешение. Вдруг я сам про себя все это придумал, а волк в клетке весел и счастлив, лопает досыта, возится с чурбаком и виляет хвостом на шутки зрителей. Я только взгляну, не покажусь. И сразу Уйду.

У клетки волка толпились люди, кто-то совал в клетку прутик. Я заглянул через головы. Волк лежал у стены, уткнув голову в лапы. Ни на что не обращал он внимания, хоть и не спал. Все оказалось куда хуже, чем я мог представить. Ему было плохо, очень плохо. Поверх людей он посмотрел на горы: там мы недавно бродили. Беззаботная стая: волк, лошадь и человек...

И вдруг глаза наши встретились. Глаза волка дрогнули, округлились, он вскочил и кинулся на решетку. Зрители отшатнулись.

Я не выдержал, продрался вперед и просунул в решетку руку. Тут бы и вонзить в предателя карающие клыки! А волк прижался к руке

шершавой мордой и замер. Мы снова вдвоем. И волчья морда трется о руку, стиснувшую железный прут решетки.

Сторожиха закричала, что нельзя совать руку в клетку к хищнику. Я разжал прут и пошел прочь. Затылком, спиной, плечами я чувствовал, как заметался волк в клетке. Потом он завыл. Да, лучше бы я его застрелил...

Через год я снова оказался в тех же местах и снова пошел в зоопарк. И теперь я еще надеялся, что все обошлось, что волк все забыл и привык к неволе.

Клетка волка была пуста. Может, переселили его? Нет, сказала сторожиха, подох. Горные волки у вас не живут долго. Чума какая-то на них нападает.

Наверное, так и есть — чума. Живут же равнинные волки в клетках! Живут... Вперед-назад, вперед-назад вдоль ржавой решетки. И никогда не посмотрят в глаза. Все мимо людей, сквозь людей, куда-то далеко-далеко...

Я твердо прошел мимо затаившегося лисенка: как бы ни сложилась его дикая судьба, она всегда будет лучше той, которая его ждет в неволе.